

ОТКАЗ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ЕГО ПРЕКРАЩЕНИЕ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ

В статье сформулированы предложения по изменению уголовно-процессуального закона в целях применения медиации в досудебном производстве. Медиация может заменить собой длительную процедуру досудебного производства, при заключении медиационного соглашения основным вопросом, который будет в центре дальнейшего производства по делу, становится вопрос о выполнении условий такого соглашения, а не об обстоятельствах дела и доказанности вины.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, экономия уголовной репрессии, медиация, компромисс.

Как показывает международный опыт, сегодня актуальными признаны тенденции, связанные с поисками альтернатив уголовному судопроизводству карательного типа, и в частности всеобщее расширение и внедрение в национальное законодательство примирительных процедур, ориентированных на восстановительный эффект правосудия [2, с. 37]. В процессуальной литературе устоявшимся является мнение о том, что разрешение уголовно-правового конфликта, который возникает в результате совершения лицом противоправного деяния, должно включать в себя и такие аспекты, как возмещение вреда лицу, в отношении которого было совершено деяние, восстановление нарушенного в результате преступления порядка, восстановление нормальной жизнедеятельности потерпевшего после совершения преступления, ресоциализация осужденного лица с целью предотвращения повторного совершения преступления и пр. Традиционный уголовный процесс не всегда позволяет с успехом разрешать указанные задачи. Применение уголовной ответственности и наказания как наиболее вероятный исход уголовного судопроизводства — это прямой, но не всегда эффективный способ разрешения конкретного уголовно-правового конфликта и воздействия на состояние преступности в целом. В совокупности с недостатками пенитенциарной системы этот путь обеспечивает реализацию карательной составляющей наказания, но не всегда позволяет удовлетворить потребности потерпевшего, как материального, так и психоэмоционального характера, а также достичь цели превенции.

Современное российское уголовное судопроизводство находится в процессе поиска оптимального соотношения между традиционными процессуальными институтами и новыми, внедряемыми для решения задач дифференциации процессуальной формы. Представляется, что такого рода изменения уголовно-процессуальной формы являются результатом движения законодателя в сторону развития компромиссных способов производства и расширения состязательных начал российского уголовного процесса.

* © Шестакова Л.А., 2016

Шестакова Любовь Александровна (lyuboshestakova@yandex.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Вписывается в общий контекст изменений уголовно-процессуального закона внедрение в досудебное производство процедуры медиации, под которой понимается процесс совместного решения проблемы участниками конфликта, шансы которого на успех высоки в силу особых процессуальных условий и профессиональной помощи медиатора в осуществлении взаимодействия сторон на пути к урегулированию спора [6].

Процессуальные предпосылки появления медиации как способа разрешения уголовно-правовых конфликтов в России

В современной юридической литературе отмечается, что появление процедур восстановительного правосудия в уголовных процессах разных стран обусловлено действием объективных тенденций: 1) мировые тенденции; 2) внутригосударственные тенденции, характерные для России.

Все государства можно условно разделить на базирующиеся на принципе законности (есть деяние, содержащее предположительно признаки преступления, — должностное лицо обязано возбудить уголовное дело) и основанные на принципе целесообразности (должностное лицо в каждом случае решает, необходимо ли возбуждать дело, основываясь на наличии доказательств, публичного интереса, личности правонарушителя и т. д.). Иначе говоря, у должностного лица есть возможность отказаться от инициирования уголовного преследования по причинам, не являющимся юридическими и не связанным с недостаточностью доказательств. Очевидно, что вопрос о допустимости применения восстановительных процедур во многом зависит от того, какой из указанных принципов лежит в основе правовой системы того или иного государства. При этом в литературе отмечается тенденция к постепенному вытеснению принципа законности началом целесообразности даже в тех государствах, которые традиционно применяют именно принцип законности, что является первой мировой тенденцией [1, с. 37]. Указанная тенденция проявляется и в России. В Российской Федерации согласно ст. 7 действующего УПК РФ принцип законности предполагает осуществление уголовно-процессуальной деятельности только в соответствии с уголовно-процессуальным законом и установленными им правилами (ст. 21 УПК РФ). Однако российские авторы все чаще предлагают закрепить в УПК РФ принцип целесообразности наряду с принципом законности (например, в ст. 7.1 УПК РФ). Закрепление принципа целесообразности в качестве принципа уголовного процесса открывает возможность более широкого внедрения восстановительных процедур в российский уголовно-процессуальный закон и правоприменительную практику.

Вторая общемировая тенденция связана с ролью, которая отводится потерпевшему в уголовном процессе. Известный зарубежный ученый Э. Эшуорт выделяет в этой связи две парадигмы: парадигму наказания и парадигму восстановления [3, с. 45]. В законодательствах стран, которые придерживаются первой парадигмы, потерпевший до сих пор остается бесправным субъектом уголовно-процессуальной деятельности, частный интерес на возмещение вреда которого является вторичным по сравнению с защитой публичных интересов государства. В государствах, где законодатели придерживаются постулатов второй парадигмы (данная парадигма приобретает все больше сторонников), потерпевший становится центральной фигурой, и уголовно-процессуальная деятельность имеет целью восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего, разрешение уголовно-правового конфликта. Эта тенденция проявляется и в России. Согласно ст. 52 Конституции РФ российское государство обеспечивает доступ к правосудию потерпевшим и компенсацию причиненного ущерба. Указанная обязанность государства российским уголовно-процессуальным законодательством реализована в правах потерпевшего.

Перейдем к рассмотрению внутригосударственных тенденций, обуславливающих внедрение восстановительных процедур в российское уголовное судопроизводство.

Профессор С.А. Шейфер в своих последних работах обращает внимание на существенные изменения закона в отношении стадии возбуждения уголовного дела. Автор отмечает, что законодатель хотя и сохранил в УПК РФ стадию возбуждения уголовного дела, но вместе с тем сильно расширил рамки доследственной проверки. Если ранее стадия возбуждения уголовного дела включала в себя только установление сведений о преступном факте, причем не обязательно, чтобы он раскрывался во всех существенных чертах, то в настоящее время центр доказывания сместился из стадии предварительного расследования в стадию возбуждения уголовного дела. Уже на стадии возбуждения уголовного дела практические работники, используя расширенный арсенал доследственной проверки, могут прийти не к вероятностным, а к достоверным выводам о наличии признаков состава преступления [11, с. 161]. В итоге естественное для советской доктрины разделение деятельности, осуществляемой в рамках предварительного расследования, на «процессуальную» и «непроцессуальную» [4, с. 94] постепенно утрачивает свою актуальность. Несмотря на то что последовательные шаги законодателя в сторону смещения центра доказывания на стадию возбуждения уголовного дела критикуются отдельными учеными-процессуалистами, считаем, что они тем не менее подготовили почву для применения восстановительных процедур в уголовном процессе. Благодаря тому что возбуждение уголовного преследования сдвигается на следующий после фактического дознания этап, когда основные детали преступления уже выяснены, становится более логичным возбуждать уголовное преследование по принципу целесообразности, что открывает перспективы широкого применения медиационных процедур и т. п.

Кроме того, наметились устойчивые тенденции к сближению уголовного процесса с гражданскими отраслями права: используются методы и процедуры гражданского, арбитражного, исполнительного и других отраслей материального и процессуального права. Ранее в обвинительном процессе диспозитивность признавалась исключительно гражданско-правовым институтом, начало которого в уголовном процессе отсутствует. Однако в настоящее время наблюдается объективный процесс конвергенции частного и публичного права. Главной особенностью проникновения частного права в публичную сферу уголовного судопроизводства стоит признать стимулирование при помощи договорно-правовых средств индивидуально-волевого начала возникновения, содержания и реализации отношений между частными и публичными, только между публичными или частными субъектами [10, с. 10]. Как представляется, обозначенные выше тенденции сближения частного и публичного права усилятся, что будет способствовать расширению пределов применения правового инструментария гражданского права, гражданского и арбитражного процесса при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Тем самым снимутся логические противоречия между назначением уголовного процесса РФ и применением к правонарушителям восстановительных процедур, в том числе медиации [12].

Нормативная модель применения медиации в уголовном судопроизводстве

В последние два десятилетия институт медиации развивается во многих уголовно-процессуальных системах, причем вне зависимости от специфики правовой системы и исповедуемой модели (формы) уголовного судопроизводства, став, по сути, явлением универсальным. Институт медиации присущ в одинаковой мере и англосаксонскому, и континентальному уголовному процессу [5]. Преимущества внедрения медиации и иных альтернативных традиционному судопроизводству способов очевидны. Примирение сторон на ранних стадиях процесса и тем более до его начала влечет снижение количества дел, рассматриваемых судами, и, как следствие, обеспечивает повышение качества отправляемого правосудия. Однако Россия остается одной из немногих стран, где нет принципа целесообразности возбуждения уголовного пресле-

дования, который серьезно повлиял на развитие альтернатив уголовному преследованию за рубежом. Советский уголовный процесс был репрессивным, однако в то время существовали товарищеские суды, деятельности которых были присущи признаки восстановительного правосудия: освобождение от уголовной ответственности и прекращение уголовного дела с передачей лица на поруки общественной организации или трудовому коллективу, в связи с передачей дела в товарищеский суд или комиссию по делам несовершеннолетних [8].

Данному направлению уголовной политики сегодня должно соответствовать применение более современных оснований освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовных дел (преследования).

Отказ в возбуждении уголовного дела в связи с примирением сторон и заключением медиативного соглашения

Необходимо поддержать высказанное в литературе предложение о том, что возможной процессуальной формой освобождения от уголовной ответственности должен стать институт отказа в возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица в связи с примирением сторон и заключением медиативного соглашения. Внедрение этого правового механизма, как представляется, будет способствовать разрешению одной из сложнейших проблем уголовного процесса – проблемы возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением. Анализ следственной, судебной практики свидетельствует о достаточно низком уровне восстановления прав потерпевшего, нарушенных совершенным преступлением [9]. Решение проблемы восстановления нарушенных прав потерпевшего осложняется и правовой позицией Конституционного Суда РФ. В своем Определении от 27.12.2005 г. № 523-0 Конституционный Суд указал, что «организуя систему компенсаций, государство выступает не как причинитель вреда, а как публичный орган, выражающий общие интересы, и как распорядитель бюджета, создаваемого и расходуемого в общих интересах». Стоит согласиться с позицией К.Б. Калиновского, который считает, что «граждане, лишённые возможности защиты своего нарушенного права, перестают доверять правоохранительным органам, поэтому отказываются содействовать в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений. Ситуация доходит до того, что уже и потерпевших от преступлений приходится вовлекать в уголовный процесс под угрозой уголовной ответственности. Соответственно, необходимы меры, направленные на восстановление общественного доверия к правоохранительным органам, которые по своей сути должны осуществлять “обслуживание граждан” в защите их прав, а не служить “броневым щитом”, который необходимо пробить, чтобы получить даже еще не доступ к правосудию, а лишь саму возможность такого доступа» [7, с. 10]. Отмеченное выше влечет необходимость внедрения в уголовное судопроизводство механизмов, способных обеспечить возмещение вреда потерпевшим на самых ранних стадиях уголовного процесса.

Считаем, что на стадии возбуждения уголовного дела следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора должны иметь право выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. При условии выявления в рамках доследственной проверки обстоятельств, свидетельствующих о совершении преступления небольшой или средней тяжести впервые, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора должны иметь право выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с примирением сторон. В этой связи часть 3 статьи 144 УПК РФ необходимо дополнить предложением о продлении до 30 суток проверки сообщения о преступлении по ходатайству лиц, участвующих в производстве процессуальных действий, в случае принятия ими решения о проведении процедуры медиации. Таким образом, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного орга-

на от 3 до 10 дней проводят проверку о любом совершенном или готовящемся преступлении¹, как это предусмотрено действующей редакцией ст. 144 УПК РФ, и при выявлении повода и оснований для возбуждения уголовного дела небольшой или средней тяжести, если потенциальный потерпевший и несовершеннолетний подозреваемый установлены, преступление совершено впервые, правонарушитель готов возместить вред, а потенциальный потерпевший готов встретиться с правонарушителем для переговоров, то уполномоченным должностным лицам должно быть предоставлено право предложить сторонам обратиться к медиатору, продлив в установленном законом порядке срок для проверки оснований для возбуждения уголовного дела до 30 дней². При положительном результате проведенной медиации стороны заключают медиативное соглашение. Следователь / дознаватель, получив медиативное соглашение, проверяет его на соответствие УПК РФ. Если нарушений закона не выявлено, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. При недостижении примирения в результате процедуры медиации следователь / дознаватель возбуждает уголовное дело и далее проводит расследование в установленном законом порядке.

Для реализации выдвинутого нами предложения необходимо дополнить: 1) ч. 1 ст. 24 УПК РФ пунктом 7, содержащим новое основание отказа в возбуждении уголовного дела о преступлении небольшой и средней тяжести, совершенном лицом впервые, при условии примирения с потерпевшим и возмещения вреда, в том числе и на основе медиативного соглашения; 2) часть 3 статьи 144 УПК РФ – указанием на продление до 30 суток срока проверки сообщения о преступлении при наличии ходатайства о проведении процедуры медиации.

Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон и заключением медиативного соглашения

Модель применения медиации после возбуждения уголовного дела видится следующей. Медиация должна применяться в дополнение к ст. 25 УПК РФ. Реализация этого предложения потребует дополнения диспозиции статьи 25 УПК РФ «если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред» словами «а также при заключении медиативного соглашения»; ч. 1 ст. 208 – новым основанием приостановления предварительного расследования – вынесением постановления о проведении процедуры медиации и выполнении условий заключенного медиативного соглашения.

Для проведения процедуры медиации и выполнения условий заключенного медиативного соглашения должен быть установлен определенный срок, на который производство по уголовному делу приостанавливается. По истечении установленного срока производство по уголовному делу возобновляется, а затем в зависимости от результатов медиации и выполнения условий медиативного соглашения принимается решение либо о прекращении уголовного дела, либо о продолжении производства по уголовному делу в общем порядке.

Примечания

¹ Обоснованной представляется позиция А.А. Арутюнян о том, что медиация не может быть применена по делам, в которых отсутствует потерпевший или потерпевшим является юридическое лицо. Это связано с самой природой процедуры медиации, которая направлена на примирение сторон, разрешение конфликтной ситуации между индивидами. То есть медиация не может иметь место, если потерпевшая сторона не является физическим лицом.

² Как видится, срок в 30 суток является оптимальным для проведения процедуры медиации. С одной стороны, этот срок позволяет предотвратить безвозвратное исчезновение следов преступления, информации о совершенном преступлении. С другой стороны, анализ зарубежных источников позволяет утверждать, что за 30 дней можно провести процедуру медиации со всеми ее подготовительными процедурами, встречами медиатора с каждой из сторон.

Библиографический список

1. Арутюнян А.А. Концепция восстановительной юстиции и медиации в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского государственного университета. Сер.: Право. 2011. № 5. С. 31–43.
2. Ветрова Г.Н. К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы досудебного производства // Государство и право. 2015. № 3. С. 37–50.
3. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве: монография. М., 2002. 544 с.
4. Головки Л.В. Фундаментальные особенности российского уголовного права и процесса с точки зрения сравнительного правоведения // Закон. 2013. № 07. С. 94–95.
5. Забуга Е.Е. Соотношение уголовно-правовой медиации с институтом деятельного раскаяния. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ugolovno-pravovoy-mediatsii-s-institutom-deyatelnogo-raskaya>.
6. Кабельков С.Н. Перспективы применения медиации в российском уголовном судопроизводстве с учетом международного опыта. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-primeneniya-mediatsii-v-rossiyskom-ugolovnom-sudoproizvodstve-s-uchetom-mezhdunarodnogo-opyta>.
7. Калиновский К.Б., Чечетин А.Е. Защита прав потерпевших от преступлений в стадии возбуждения уголовного дела российского уголовного процесса // Российский следователь. 2015. № 9. С. 10–14.
8. Кузьмина О.В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве. URL: http://lexrussica.ru/articles/2015/01/28/article_101297.html.
9. Малышева О.А. О целесообразности внедрения медиации в досудебное уголовное производство. URL: <http://xn--7sbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/19151>.
10. Маткина Д.В. Медиация в уголовном процессе – конвенциональная форма внесудебного разрешения уголовно-правовых споров // Бюллетень Уро МАСП. 2010. № 1 (3). С. 107–113.
11. Шейфер С.А. Трансформация стадии возбуждения уголовного дела в связи с принятием ФЗ-23 от 4 марта 2013 года // Вектор науки ТГУ. Сер.: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 161–163.
12. Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Самара, 2015. С. 242.

References

1. Arutyunyan A.A. *Kontseptsiiia vosstanovitel'noi iustitsii i mediatsii v ugolovnom sudoproizvodstve* [Concept of restorative justice and mediation in criminal proceedings]. [The Moscow University Herald. Series Law]. 2011. No. 5. P. 31–43 [in Russian].
2. Vetrova G.N. *K voprosu o differentsiatsii ugolovno-protsessual'noi formy dosudebnogo proizvodstva* [On the question of differentiation of criminal procedural form of pre-trial proceedings]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 2015. No. 3. P. 37–50 [in Russian].
3. Golovko L.V. *Al'ternativy ugolovnomu presledovaniyu v sovremennom prave. Monografiia* [Alternatives to criminal prosecution in modern law. Monograph]. M., 2002. 544 p. [in Russian].
4. Golovko L.V. *Fundamental'nye osobennosti rossiiskogo ugolovnogo prava i protsesssa s tochki zreniia sravnitel'nogo pravovedeniia* [Fundamental features of Russian criminal law and procedure from the perspective of comparative law]. *Zakon* [Law]. 2013. No. 07. P. 94–95 [in Russian].

5. Zabuga E.E. *Sootnoshenie ugolovno-pravovoi mediatsii s institutom deiatel'nogo raskaianiia* [Interrelation of criminal legal mediation with the institute of active repentance]. Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ugolovno-pravovoy-mediatsii-s-institutom-deyatelnogo-raskaya> [in Russian].

6. Kabelkov S.N. *Perspektivy primeneniia mediatsii v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve s uchetom mezhdunarodnogo opyta* [Prospects for the use of mediation in the Russian criminal trial based on international experience]. Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-primeneniya-mediatsii-v-rossiyskom-ugolovnom-sudoproizvodstve-s-uchetom-mezhdunarodnogo-opyta> [in Russian].

7. Kalinowski K.B., Chechetin A.E. *Zashchita prav poterpevshikh ot prestuplenii v stadii vzbuzhdeniia ugolovnogo dela rossiiskogo ugolovnogo protsessa* [Protecting the rights of victims of a crime on a stage of initiation of a criminal case in the Russian criminal trial]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator]. 2015. No. 9. P. 10–14 [in Russian].

8. Kuzmina O.V. *Al'ternativnye sposoby razresheniia ugolovno-pravovykh konfliktov v rossiiskom prave* [Alternative ways of resolving criminal and legal conflicts in the Russian law]. Retrieved from: http://lexrussica.ru/articles/2015/01/28/article_101297.html [in Russian].

9. Malyshev O.A. *O tselesoobraznosti vnedreniia mediatsii v dosudebnoe ugolovnoe proizvodstvo* [On the feasibility of implementing mediation in pre-trial criminal proceedings]. Retrieved from: <http://xn—7sbbaj7auwnffhk.xn—p1ai/article/19151> [in Russian].

10. Matkina D.V. *Mediatsiia v ugolovnom protsesse – konventsial'naia forma vnesudebnogo razresheniia ugolovno-pravovykh sporov* [Mediation in criminal proceedings – conventional form of extrajudicial settlement of criminal legal disputes]. *Biulleten' Uro MASP*. 2010. No. 1(3). P. 107–113 [in Russian].

11. Shafer S.A. *Transformatsiia stadii vzbuzhdeniia ugolovnogo dela v sviazi s priniatiem FZ-23 ot 4 marta 2013 goda* [Transformation of a stage of initiation of a criminal case in connection with the adoption of the FZ23 dated March 4, 2013]. *Vektor nauki TGU. Seriya: Iuridicheskie nauki* [Vector of science of TSU. Series: Legal sciences]. 2014. No. 2 (17). P. 161–163 [in Russian].

12. Shestakova L.A. *Realizatsiia kontseptsii iuvenal'noi iustitsii v proizvodstve po delam nesovershennoletnikh v Rossiiskoi Federatsii: genezis, sovremennost' i perspektivy: Diss. ... kand. iurid. nauk: 12.00.09* [Implementation of the concept of juvenile justice in the proceedings on juvenile cases in the Russian Federation: genesis, present times and prospects: Candidates of Law thesis: 12.00.09]. Samara, 2015. P. 242 [in Russian].

*L.A. Shestakova**

REFUSAL TO INITIATE A CRIMINAL CASE AND ITS TERMINATION DUE TO RECONCILIATION OF THE PARTIES IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF MEDIATION IN RUSSIA

Proposals for the change of criminal procedure law for the use of mediation in the preliminary investigation are formulated in the article. Mediation can replace the long pre-trial proceedings. Execution of a mediation agreement conditions will be a major challenge for law enforcement. This proposal would not establish the subject of evidence in every criminal case.

Key words: criminal justice, criminal repression saving, mediation, compromise.

* *Shestakova Lyubov Alexandrovna* (lyuboshestakova@yandex.ru), Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.